

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Коллективная монография

ДЕБРЕЦЕН, 2019

*Светлой памяти выдающегося русского писателя,
Владимира Александровича Шарова*

**Главный редактор
Йожеф Горетить**

**Редакторы
Ильдико Регеци
Анна Телеки**

**Авторы
Аннамария Вашш
Алиса Ганиева
Эдит Гильберт
Йожеф Горетить
Тамара Дьякова
Наталья Иванова
Жофия Калавски
Жужанна Калафатич
Ангелика Молнар
Ольга Новикова
Ильдико Регеци
Ангелика Рейхманн
Тюнде Сабо
Борис Тарасов
Анна Телеки
Мария Черняк**

**Проверка текста носителем языка:
Вера Леденёва**

**Компьютерная верстка:
Иштван Лазар**

Издание книги осуществляется при поддержке
Ассоциации им. Л.Н. Толстого «За венгерско-российское сотрудничество»
Дебреценского университета
Русского центра Дебреценского университета

ISBN 978-615-5212-68-0

**Издательство «DIDAKT»
Дебрецен, 2019**

Содержание

Йожеф Горетить

Предисловие

7

I. Общая характеристика, основные тенденции

Мария Черняк

Феномен современного литературного периода, или проблема номинации

11

Наталья Иванова

Современная проза: вертикаль, горизонталь, фейсбук

19

Ольга Новикова

Взаимодействие мысли и фабулы в современном русском романе

29

Тамара Дьякова

Современная русская литература в пространстве музея

35

Йожеф Горетить

Аспекты нарратологии при переводе современной русской художественной прозы

41

Жужанна Калафтич

Мотивы информационных технологий в творчестве В. Пелевина

49

Алиса Ганиева

Русские химеры. Главные тренды современной русской литературы

59

Аннамария Вашш

О книге Русский канон: Книги XX-ого века

63

II. Литературная традиция XIX-ого века и современный литературный процесс

Борис Тарасов

Актуальное значение русской историософской мысли в эпоху глобализации 71

Наталья Иванова

Соблазн и вызов: литературное сегодня в свете русской классики 79

Йожеф Горетить

Новый реализм как особое продолжение реалистической традиции русской литературы 91

Тамара Дьякова

Пародия как инструмент в реализации постмодернистской литературы 101

Аннамария Вашш

Разрыв с морализирующей традицией русской литературы. О ремейке Накануне накануне Евгения Попова 113

Жофия Калавски

Главы из пушкинского романа. Последний текст и Шпага щекотливого дворянина Андрея Битова – культовые механизмы и поэтика текста 123

Тюнде Сабо

Образ смерти-воскресения в четырех произведениях XIX и XX веков 133

Анна Телеки

Традиция классической русской литературы в романе Юрия Полякова Замыслил я побег 145

Ангелика Молнар

Как читает Сорокин Обрыв? 155

Ильдико Рееци

Диалог между текстами XIX и XX веков на уровне метафорических пространств. Людмила Улицкая и Иван Гончаров 165

Ильдико Рееци

След классика в современной русской литературе. Чеховский интертекст у Вячеслава Пьецуха 175

III. Жанровая разнообразность русской современной прозы

Наталья Иванова

Современный роман в поисках жанра 185

Ольга Новикова

Сегодняшняя проза: от пассаизма к проектированию будущего 191

Тамара Дьякова

Современный русский роман в поисках игры 197

Жужанна Калафатич

Перетолкование эпистолярной традиции в современном русском романе 205

Ильдико Рееци

Трансформации текста о путешествии в литературе постмодерна – по следам Гоголя и Венедикта Ерофеева 217

Йожеф Горетить

Литературная ценность в изменяющемся мире. Заметки к роману Юрия Полякова Козлёнок в молоке 231

Ангелика Молнар

Войны и миры (О военной прозе Арсена Титова) 235

Эдит Гильберт

*Мистическо-авантюрные романы женских авторов современной
русской литературы* 243

Ангелика Рейхманн

Снова о полифонии: Даниэль Штайн, переводчик 251

Йожеф Горетить

*Послание Иакова XXI-ого века (Людмила Улицкая: Даниэль Штайн,
переводчик)* 259

Авторы монографии

363

ЖОФИЯ КАЛАВСКИ

**ГЛАВЫ ИЗ ПУШКИНСКОГО РОМАНА.
ПОСЛЕДНИЙ ТЕКСТ И ШПАГА ЩЕКОТЛИВОГО
ДВОРЯНИНА АНДРЕЯ БИТОВА – КУЛЬТОВЫЕ
МЕХАНИЗМЫ И ПОЭТИКА ТЕКСТА¹**

1.

В конце 2014-го года вышло в свет новое расширенное издание так называемых пушкинских произведений Андрея Битова. По поводу этого автор сказал: «*Пушкинский дом – Пушкинский том*, одну букву заменил, а вся жизнь прошла».² Возникает ряд вопросов: что значит *акт замены буквы* в текстовом универсуме Битова? Можно ли назвать этот авторефлексивный жест автоописательным жестом битовской поэтики текста? И еще: что же происходило в этот период между двумя датами (1964 и 2014), то есть между двумя текстовыми корпусами? Этот вопрос скрытопредполагает, что мы рассматриваем отдельные единицы *Пушкинского тома* как единство. Можно ли интерпретировать как взаимосвязанное целое *Пушкинский том*? И в какой мере переосмысляется сейчас как единое целое создаваемая на протяжении последних 50 лет битовская пушкиниана, собранная в один сборник? Можно ли называть *Пушкинский том* романом, расширяя до крайности рамки жанра *романа*? И наконец: не будет ли более продуктивным, если мы займёмся рассмотрением понимаемой не в самом строгом смысле жанровой категории, а осмелимся предположить рождение какого-то *имагинарного пушкинского романа в Пушкинском томе*?

Ответы на поставленные нами выше вопросы во всяком случае требуют нескольких объёмных сопоставительных исследований, статей. Но в настоящей работе мы задались целью представить только один из возможных подходов к осмыслению *Пушкинского тома*. На наш взгляд, полученные в результате проведённого анализа опыт и выводы, в том числе и метод анализа, можно будет распространить если и не на целый текст Пушкинского тома, то хотя бы на содержащуюся в нём эссеистику.

Этот анализ мы намерены провести в аспекте, который, как нам кажется, в научной литературе о поэтике пушкинских текстов Битова является периферическим. Мы попытаемся проследить и показать в одной выделенной части *Пушкинского тома*, как (культовое) отношение к Пушкину, механизмы культового обращения, в том числе риторические формулы, выражающие культовое отношение, могут одновременно функционировать в тексте Битова таким образом, что сам текст остаётся культовым, но при этом не позволяет прескриптивного осмысления, прочтения текста, и даже сам он не становится

1 Статья выполнена научным сотрудником Института Литературоведения Исследовательского Центра Гуманитарных Наук ВАН при поддержке гранта Яноша Бояи Венгерской Академии Наук. This paper was supported by the János Bolyai Research Scholarship of the Hungarian Academy of Sciences. The author is a research fellow at Institut for Literary Studies, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences. Статья опубликована впервые в журнале *Studia Litterarum*. Т. 2. №3. 2017. 150–165.

2 Битова цитирует *Новая газета*. Эссе о Пушкине. *Новая газета*, 29.09.2014.
<http://www.novayagazeta.ru/arts/65485.html>

однозначным, хотя все перечисленные эти признаки считаются в научной литературе основными признаками культовых текстов.³ Как раз наоборот: текст и тексты Битова сохраняют присущие им признаки открытости, диалогичности, обращённости к читателю. То есть в итоге нашего анализа мы приходим к описанию поэтики битовского текста.

Известно, что Битов, рядом с другими современными русскими писателями и писателями 20 века (см. т.н. «пушкинские тексты» Андрея Синявского, Сергея Довлатова, Михаила Эпштейна или Татьяны Толстой), в романе *Пушкинский дом*, в повести *Фотография Пушкина* и в своей эссеистике неким способом, но тематизирует культовые жесты, направленные на Пушкина.⁴ Битов или с помощью иронии, или с помощью пародии, или средствами деконструкции, или просто описательным образом выделяет или анализирует ритуальные эпизоды культа Пушкина или же характеризует риторическую сторону этого явления, перечисляя и интерпретируя постоянно повторяемые культовые выражения, словосочетания и темы. На этот раз из множества таких тем мы останавливаемся на одной: это *последний текст как выделенный объект культового обращения/отношения*.

2.

В цикле-эссе Битова *Предположение жить. 1836. Воспоминание о Пушкине* (этот цикл входит в книгу *Предположение жить. 1836. Воспоминание о Пушкине* (1999), в книгу *Моление о чаше. Последний Пушкин* (2007) и в *Пушкинский том* (2014)) «вопрос о том, какой пушкинский текст является *последним текстом?*» – со своим взаимосвязанным вопросом о «законченности» Пушкина «проходит красной нитью».⁵ При этом общеизвестно, что Битова уже очень рано начал

3 Исследование феномена литературного культа является относительно новой междисциплинарной исследовательской перспективой в области литературоведения и культурологии. Исследования по этой теме публиковались венгерскими, финскими и российскими учеными. Среди них следует особо выделить труды Петера Давидхази, академика Венгерской академии наук, основоположника исследования феномена литературного культа в Венгрии (Dávidházi, P.: *The Romantic Cult of Shakespeare: Literary Reception in Anthropological Perspective*. Basingstoke, London, New York: St. Martin's Press, Macmillan Publ., 1998. (*Romanticism in Perspective: Texts, Cultures, Histories*) и (Dávidházi, P. – Karafiáth, J. (Eds): *Literature and its Cults. An Anthropological Approach*. Budapest, Argumentum Publ., 1994.); совместный сборник финских и венгерских исследователей (Halmesvirta, A. (Ed.): *Cultic Revelations: Studies in Modern Historical Cult Personalities and Phenomena*. Spectrum Hungarologicum, Vol. 4. Jyväskylä, Pécs, University of Jyväskylä, Faculty of Humanities, Hungarian Studies Publ., 2010.) и сборник научных трудов российских литературоведов, социологов, историков и философов (Надъярных, М. Ф. – Уракова, А. П. (ред.): *Куль как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель*. Москва, ИМЛИ РАН, 2001). О различных употреблениях и значениях терминов «литературный культ», «культовый текст» в русской и в венгерской научной литературе см. рецензию на книгу «Куль как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель». Kalavszky Zs.: «Puskin – a kenyérünk, a vérünk, a levegőnk»: Mihail Epstejn *Új szektásság* című könyvéhez. 2000, 2008. április, 50–57.

4 О культе Пушкина, который тематизируется в прозе Довлатова см. Калавски, Ж.: Равнодушная природа как пушкинский мотив в романе Сергея Довлатова «Заповедник». *Studia Slavica Hung.* 2011, 56, 391–407.; в псевдо-научной работе Эпштейна см. Kalavszky Zs.: «Puskin – a kenyérünk, a vérünk, a levegőnk»: Mihail Epstejn *Új szektásság* című könyvéhez. 2000, 2008. április, 50–57.; в романе Татьяны Толстой см. Kalavszky Zs.: «Downkóros. Hatujjú szeráf. Pofon a közfzlésnek»: Puskin, az isteni és az idióta Tatyjana Tolsztaja Ksssz! című regényében. In: Kovács Árpád (szerk.) *Puskintól Tolsztojig és tovább...: Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből*. Budapest: Argumentum Kiadó; ELTE Orosz Irodalom és Irodalomkutatás Doktori Program, 2006. 161–173. (Diszkurzívák; 5.); о прозе Битова см. Kalavszky Zs.: *Ki a múzeumból! El a romoktól! Egy Puskin-«esszeregény» kezdetei Andrej Bitov A Puskin Ház című regényében. Ex Symposion* 66, 2008, 27–34.

5 «Вопрос о том, ВСЕ ли сделал Пушкин и, когда он сделал ВСЕ, закончен ли его путь, его назначение

интересовать вопрос **о возможной целостности творчества** Пушкина. В одном интервью 2005-го года он высказывается по этому поводу следующим образом:

«Российская газета: Не боитесь пушкинистов?»

Битов: Я по неграмотности пушкинистику не читал, пользовался только компилятивной книгой Вересаева и академическим изданием Пушкина. Но если вы подряд расставите все черновики, письма, стихи, прозу и статьи Пушкина, то начнёт вычитываться то, что Пушкин скрывал. Он ведь не в наше время жил, когда всё тайное вываливается наружу. Я начал с последнего слова, им оказалось слово «Пушкин». А кончил первым – «к Наталье». Получилось: «к Наталье – Пушкин».

РГ: Пушкин как единый текст?

Битов: Да, в случае гения идея единого текста срabатывает. Хронологическое прочитывание всего, включая записки, письма, долговые расписки, оконченные и неоконченные варианты, создаёт картину живого процесса.»⁶

В этих словах улавливается такая писательско-филологическая точка зрения на пушкинский текстовый корпус, которая рассматривает пушкинское творчество как единый текст-калейдоскоп. Считаю важным отметить, что вопреки плюрализму калейдоскопа, Битов выделяет временную упорядоченность как основной организующий принцип. Он подчёркивает равноценность и плюрализм каждого написанного текста, текстового отрывка, а это значит также, что он говорит о единстве и взаимном переплетении творчества и судьбы, текста и биографии. Битов в жанре эссе в вольном, непринуждённом тоне открывает читателю тот сверхинтересный, исследовательский процесс, в котором он выстраивает в один ряд пушкинские письма, записки, черновики, появившиеся во время, до или после литературных произведений, и показывает нам то, как он их сопоставляет друг с другом. Он указывает на то, как жизнь пронизывает литературные произведения или как тексты вырастают из этой текстовой ткани. Битов распространяет своё исследование на все сохранившиеся рукописи Пушкина, и из этого исследования рождаются новые тексты.

Битов в первых двух эссе цикла *Предположение жить. 1836. Воспоминание о Пушкине* настаивает на том, чтобы мы переосмыслили следующее: согласно пушкиноведам действительно ли написанное Пушкиным редакторское письмо детской писательнице Александре Ишимовой является *последним текстом* Пушкина перед дуэлью и смертью и можно ли считать это письмо каким-то *завещанием поэта*? Можно ли на творчество поэта смотреть как на замкнутое, завершённое целое, которое замыкается последним текстом? А также: какое законченное *художественное* произведение Пушкина является *последним*?

Битов считает, что Пушкин, творчество которого всю жизнь характеризовала многотональность, диалогичность, множество жанров, и осенью, и зимой

ещё при жизни, не есть ли эта свершённая глубинная причина его гибели, ибо уход неизбежен [...] до сих пор возникает.» Битов, А. Г.: *Моление о чаше (Последний Пушкин)*. Москва, Издательство Фортуна ЭЛ, 2007.14; «Важно это становится все больше и больше, когда мы приближаемся к концу, к последним вещам, написанным поэтом. И чем больше к концу, тем важнее. Потому что, хотим или не хотим мы этого, психология наша такова, что то, что ближе к смерти, мы неизбежно нагружаем все тем же ЗАВЕЩАНИЕМ. Мы исподволь воспринимаем последнее слово поэта как последнее, что он нам хотел сказать.» Битов, А. Г.: *Моление о чаше (Последний Пушкин)*. Москва, Издательство Фортуна ЭЛ, 2007.17; «В поисках завещания мы приходим к проблеме воскрешения (чтобы спросить...)» Битов, А. Г.: *Моление о чаше (Последний Пушкин)*. Москва, Издательство Фортуна ЭЛ, 2007.20.

6 Шевелев, И.: Андрей Битов о кризисах Пушкина, теории относительности и всесоюзной переписки царей. *Российская газета*, 5 апреля 2005 г.

1836/1837-го года, как и прежде, продолжал работать над разными творческими путями. Он всегда мыслил вариациями, несколькими возможностями, в последние месяцы жизни его также характеризует плюралистическое мышление.⁷ Он же утверждает и то, что, если внимательно прочесть все последние тексты поэта, окажется, что последним художественным (!) законченным текстом, датированным 1837-ым годом, является «статья» *Последний из свойственников Иоанны д'Арк*, которую поэт написал для своего журнала «Современник». Эта «статья» была опубликована только посмертно. Но, продолжает Битов, эта статья не только является псевдо-статьёй, но, и здесь мы пользуемся словами В. Ходасевича: «Пушкин (и на этот раз) насквозь автобиографичен»⁸.

3.

Пушкин пишет свою статью, опираясь на корреспонденцию английского журнала *Morning Chronicle*. Английский журналист информирует читателей о том, что в 1836-ом году умер некий дворянин, господин Дюлис, среди бумаг которого нашли автографное письмо, написанное его отцом Вольтеру. Дюлис-отец в возмущённом тоне пишет французскому писателю о том, что он в 1767-ом году приобрёл и прочитал произведение Вольтера *Орлеанская девственница*, и он как свойственник Жанны д'Арк протестует против «грубых ошибок», которые относятся в том числе и к Орлеанской девственнице. «А посему, не только я полагаю себя в праве, но даже и ставлю себе в непрременную обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе позволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы»⁹. Дюлис-отец в конце письма вызывает Вольтера на дуэль. Пушкин публикует и ответное письмо Вольтера, в котором последний, ссылаясь на свою слабость, старость и болезнь, хочет избежать поединка и даже отказывается от авторства своего произведения, от сатирической пародийной поэмы. Статья Пушкина заканчивается цитированием слов английского журналиста. В этом послесловии журналист в довольно патетическом и раздражённом тоне воздаёт должное Дюлису, защитив его честь от интриги французского дворянства и циничного Вольтера. «Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества; и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостиных барона д'Ольбаха и М-me Joffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. Жалкий век! Жалкий народ!»¹⁰.

7 «Но чем больше я не могу понять, зачем же он написал эту внезапную редакционную записку в конце пути, тем больше осознаю, что сам Пушкин отнюдь не склонен был превратить своё творчество в замкнутую систему, что перед лицом Судьбы он оставил свой контур разомкнутым, прекрасно сознавая, что делает.» Битов, А. Г.: *Моление о чаше (Последний Пушкин)*. Москва, Издательство Фортуна ЭЛ, 2007., 32.

8 «Пушкин автобиографичен насквозь». Ходасевич, В. Ф.: О чтении Пушкина (К 125-летию со дня рождения). In: Ходасевич В. Ф.: *Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939*. Москва, Согласие, 1996.

9 Пушкин, А. С.: *Последний из свойственников Иоанны д'Арк*. In: Пушкин А. С.: *Полное собрание сочинений в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. 153–155.*

10 Пушкин, А. С.: *Последний из свойственников Иоанны д'Арк*. In: Пушкин А. С.: *Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. 153–155.*

Битов направляет внимание на то, что, если эту «статью» сопоставить с той перепиской, которую Пушкин в последние свои месяцы ведёт с бароном Геккерном, Бенкендорфом и Жуковским, проясняется, что история и конфликт между Вольтером и Дюлисом по поводу Жанны д'Арк, то есть по поводу поэмы *Орлеанская девственница*, собственно является историей конфликта между Геккерном, Дантесом и Пушкиным по поводу Натальи Пушкиной и анонимного диплома *Патент на звание рогоносца*. То есть псевдо-статья есть не что иное, как пушкинская интерпретация, в которой зашифрованы автобиографические события жизни Пушкина, глубоко затронутые *честь* и *достоинство* поэта. По мнению Битова, эту псевдо-статью по количеству участвующих в ней героев и по качеству и характеру конфликта можно отнести к жанру «маленьких трагедий» Пушкина.

В начале 80-х годов, когда Битов изложил свою концепцию, ещё не было в пушкинистике доступного серьёзного исследования по этой теме. *Последний из свойственников Иоанны д'Арк* в 1949-ом году в 12-ом томе Академического издания *Полного собрания сочинений Пушкина в 16-и томах* было опубликовано в разделе *Критика и публицистика. Статьи и заметки*. Из научной статьи 2008 года *Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»* Александра Долинина, который суммирует современные результаты исследования, выясняется, что до 1920-х годов никто даже не подозревал, что это *пастиш*¹¹. Потом нашли дневники Александра Тургенева – он был единственным, кому Пушкин показал свой текст прижизненно. Слова Тургенева считаются первыми намёками на мистификацию, но в 1937-м году даже Борис Томашевский только догадывался о том, мистификация это или литературное произведение? (А. Долинин детально описывает историю отношения исследователей-пушкинистов к пушкинской статье.¹² Впервые Анна Ахматова настаивала на том, что на заднем плане этой статьи могут стоять отношения Пушкина и Дантеса. Несмотря на статью Дмитрия Благого, опубликованную в 70-е годы, надо было ждать до 2000-х годов, чтобы пушкинистика проявила серьёзный интерес к пушкинской псевдо-статье. Среди трудов Т. Биньона, И. Сурата, С. Бочарова, В. Сайтанова, С. Фомичева, С. Абрамовича в основополагающей работе Александра Долинина по этой теме в рецепции пушкинской «статьи» важное место отводится эссе Битова.¹³

Но, при том что, конечно, нас интересует то, как «встречается» научный подход, исследование в истории рецепции этого пушкинского произведения с другим, писательским подходом Битова, с нашей точки зрения, на этот раз самым интересным является то, как Битов *излагает* свою концепцию по этой теме. Он пишет эссе, в котором не высказывает *что-то*, а внушает, подсказывает, даёт

11 Долинин, А.: Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». In: *И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осовата*. Москва, Новое издательство, 2008. 198–217. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 5).

12 См. Долинин, А.: Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». In: *И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осовата*. Москва, Новое издательство, 2008. 198–217. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 5).

13 Долинин, А.: Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». In: *И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осовата*. Москва, Новое издательство, 2008. 198. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 5).

одну интерпретацию так, что при этом не исключает другую. То есть мы пришли к самому важному вопросу: как построен и как функционирует текст Битова?

4.

Анализируемое нами битовское эссе характеризует следующий признак: оно конструирует и тематизирует то фиктивное коммуникативное и «реципирующее» / «воспринимающее» пространство, в котором оно зарождается и читается. Эссе *Шпага щекотливого дворянина* в сущности является непосредственным продолжением эссе, стоящего перед ним в цикле (*Последний текст*), в котором автор размышляет о том, как можно понять написанное Пушкиным редакторское письмо детской писательнице Ишимовой. Эссе *Шпага щекотливого дворянина* начинается с того, что нарратор в полном недоумении обращается к нам, читателям: после того как он опубликовал своё предыдущее эссе (*Последний текст*), он получил два читательских письма. (Начинается игра-мистификация, игра с фиктивными корреспондентами, письмами.) Авторы писем не согласны с рассуждениями Битова. Один из них заявляет, что последним произведением Пушкина является незавершённая статья *Песнь о полку Игореве*, а другой хотя не называет то, какое, по его мнению, художественное произведение Пушкина можно считать последним, но он возмущён до бескрайности. Он утверждает, что Битов *оклеветал* Пушкина. Битов это письмо полностью публикует в эссе.

Битов-писатель письменно интерпретирует *что-то*, а эта концепция, по мнению одного читателя, *оскорбляет* Пушкина, и поэтому этот читатель пишет *письмо в защиту* Пушкина и в сущности *вызывает на дуэль* писателя-Битова. Но это эпистолярная *дуэль не состоится*, потому что читатель-корреспондент не указывает свой обратный адрес. Литературная игра следующая: Битова оклеветали, но у него нет возможности объясниться, защищать себя и свою концепцию *в обратном письме*: для того чтобы у него была возможность отстаивать свою точку зрения, он принуждён написать эссе.

Писатель, текст, читатель, письмо, клевета, защита, вызов на дуэль, не состоявшаяся дуэль и новый текст – перед нами в битовском эссе структуральная, нарративная репродукция двухчленного событийного ряда. Первым составным элементом этого является (по Битову) сложная жизненная ситуация Пушкина, которая обострилась по поводу анонимного диплома *Патент на звание рогоносца*, авторство которого Пушкин приписывал барону Геккерну, и вследствие которого Пушкин в защиту своей чести вызвал его на дуэль. Вторым составным элементом этого ряда является псевдо-статья Пушкина относительно *Орлеанской девственницы* Вольтера. Этот текст, в котором в защиту Жанны д'Арк выступает его свойственник Дюлис и вызывает на дуэль Вольтера, по Битову, можно читать как пушкинскую интерпретацию своей жизненной ситуации и как объяснение потомкам. И этот «ряд», эта комплексная игра между жизненной и текстовой действительностью, бытием отражается в битовском эссе, которое строится как сложный метатекст. Родается *текст* (анонимный или от авторства которого отреклись), в этом тексте кого-то *оклеветали*, и «реальный» или мнимый свойственник оклеветанного в своём *письме* требует удовлетворения. Этому могла бы послужить *дуэль*, но она по определённым причинам не может состояться. У Дюлиса нет возможности драться на шпагах с Вольтером из-за трусости французского писателя, у Пушкина нет возможности требовать удовлетворения у барона Геккерна, потому что он выходит из

конфликта таким образом, что Дантес договаривается о заключении брака с сестрой жены Пушкина, а «приём» Битова в следующем: он «не знает» адреса своего корреспондента, подписывающегося под именем д'Аш.

Пушкин «выпускает на сцену» английского журналиста, который спустя 60 лет после случившегося пишет об истории конфликта Вольтера – Дюлиса, выясняет ситуацию и защищает достоинство и честь Жанны д'Арк и её свойственника. А Пушкин, согласно концепции Битова, пишет свою псевдо-статью *Последний из свойственников Иоанны д'Арк*, где излагает свою версию о подлом поведении барона Геккерна, Дантеса и о развратности участвующего в этой игре «высшего света». Битов же пишет своё эссе Шпага щекотливого дворянина, в котором, путём ввода в свой текст фиктивных корреспондентов и публикации их писем, в диалогической форме излагает множество вариаций, интерпретаций последних месяцев жизни поэта и последних художественных произведений Пушкина.

5.

У Битова сама речь, сам письменный акт и процесс относительно пушкинского текстового события становятся текстовым событием. Битов приближается к тексту и к жизни Пушкина со стороны текстов, он уделяет особое внимание пушкинским текстовым играм, языковым играм. Его цель состоит в том, чтобы найти ту языковую игру, которая больше всего отражает пушкинскую языковую игру.

Пушкин в русскоязычной псевдо-статье делает имитации-переводы, ведь он «переводит» письма Вольтера и Дюлиса с французского, а послесловие с английского языка. Не ускользает от внимания Битова этот приём, который влияет на смысл, на интерпретацию. Он эту игру перевода-искажения тоже пускает в действие, но у него передача значений происходит не между языками, у него значения теряются или искажаются между *оригиналом и копией*. Он повторяет приём посредничества в метафорично-технической форме связи с письмом его так называемого второго корреспондента – д'Аша. Самым хорошим примером этого является то, что в одной ссылке к тексту он сообщает читателю о том, что д'Аш послал не оригинал, а копию письма: «доказательством чего явилась как раз последняя страница, *размашисто подписанная «д'Аш»*» (35. Курсивы мои. Ж.К.). Намёк на небрежную, неаккуратную – может быть и неразборчивую – подпись корреспондента в контексте того, что анонимность и проблематизация (отречение от) авторства текстов и в жизненной истории Пушкина, и в его псевдо-статье являются очень важными, открывает возможность игры с именем и у Битова: рукописная подпись *д'Аш* может быть прочитана из плохо различимых букв фамилии д'Арк-а и одновременно может намекать на фамилию *д'Аршиак* (он был секундантом Дантеса), но во всяком случае мы стоим перед деперсонализированным приёмом и постгуманной перспективой.

Но само письмо, полный текст фиктивного корреспондента, как и, конечно, псевдо-статья Пушкина, содержит множество скрытых намёков, следов, которые направляют внимание читателя на то, что стóит задуматься, но во всяком случае следует внимательно *читать*, ведь, по мнению Битова, псевдо-статья Пушкина оставалась без отклика более века, потому что она оставалась *непрочитанной* в своём контексте.

Фиктивное письмо д'Аша, однозначной функцией которого в тексте Битова является создание диалогичности благодаря разрушению одногласия авторского

слова, представляет собой текстовый монтаж. Без указания на первоисточники, в том числе в нём фигурируют отрывки из пьесы Льва Толстого *Живой труп*, из псевдо-статьи Пушкина, из письма Пушкина к барону Геккерну от 17–21 ноября 1836 года и из *Евангелия от Матфея*.

Структура письма, которое представляет собой текст в тексте, функционирует как *miseenabyme* и, с помощью процитированных в нём интертекстов, повторяет, репрезентирует тот сюжет, который переосмысляет последние месяцы Пушкина.

В центре драмы Толстого – любовный треугольник: муж, жена и любовник жены. В процитированном отрывке мы оказываемся на месте судебного заседания, где муж протестует против того, что судья, который, будучи посторонним человеком, выносит решения, получает за это зарплату, судит о ситуациях (*добро, зло, измена, верность, эмоциональные состояния, отношения*), на которые он смотрит только извне. Не трудно узнать в этом, с одной стороны, намёк на треугольник Пушкина–Натальи–Дантеса, с другой, на всех тех, кто это отношение осуждал, осмыслял, каким-то образом тематизировал: т.н. «высший свет», участники салонов и балов. По мнению д'Аша, обязательно надо защитить Пушкина, его эпоху и жизнь от таких писателей, как Битов, которого он с помощью скрытых пушкинских интертекстов выводит в роли Вольтера и барона Геккерна. Битов, по его мнению, препятствует настоящим исследованиям.

Д'Аш своё письмо заканчивает, с одной стороны, цитатой из *Евангелия от Матфея*, которая адресована лицемерным книжникам и фарисеям, с другой стороны, последними словами псевдо-статьи Пушкина: «Жалкий век! Жалкий народ!» В самой последней и самой патетичной части письма Битов представлен как поклонник идеологической интерпретации Пушкина, как безбожник, развивающий варварский культ Пушкина, как книжник, заинтересованный в создании языческого идола, кумира Пушкина.

Хотя корреспондент Битова не называет, какой текст считает последним, но составляет своё письмо так – и в этом играют большую роль скрытые пушкинские цитаты – чтобы внимательный читатель догадывался. То есть, если читатель не просто читает, но и *прочитывает* его текст, он осознаёт и может разобраться в замысле д'Аша.

Итак, Битов на вопрос о последнем произведении Пушкина «отвечает» в тексте, построенном с помощью той пушкинской поэтики, которую Битов открывает в написанном им произведении. Одновременно он выделяет для себя из пушкинской поэтики «закон», поэтики-вариаций – диалогичность, множество жанров, тем, героев, языков – и единства. Игра с текстами у Битова превращается в текстовое событие, но, со скрыто присутствующей культовой точки зрения, даёт ей метафизическую перспективу (Пушкин как альфа и омега).

Мы попытались в этом микроанализе показать способ существования, способ функционирования одного из текстов *Пушкинского тома*. *Пушкинского тома*, который в основном является «романом романа», то есть монтажом пушкинских текстов, объединяющихся из истолковывающих их эссе в имажинарный роман. Монтаж пушкинских текстов, который имеет игровое, полифоническое, многоязыковое, многожанровое начало и который сам варьируется, модифицируется и стремится не к окаменению своего объекта.

Библиография

- БИТОВ, А. Г.: *Предположение жить. 1836.* (Составитель А. Битов.) Москва, Издательство Независимая газета, 1999.
- БИТОВ, А. Г.: *Моление о чаше (Последний Пушкин).* Москва, Издательство Фортуна ЭЛ, 2007.
- БИТОВ, А.: *Пушкинский том.* Москва, Издательство АСТ, 2014.
- ДОЛИНИН, А.: Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». In: *И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Ошопата.* Москва, Новое издательство, 2008. 198–217. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 5).
- КАЛАВСКИ, Ж.: Равнодушная природа как пушкинский мотив в романе Сергея Довлатова «Заповедник», *Studia Slavica Hung.*, 2011, 56, 391–407.
- НАДЪЯРНЫХ, М. Ф. – Уракова, А. П. (ред.): *Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель.* Москва, ИМЛИ РАН, 2001.
- ПУШКИН, А. С.: Последний из свойственников Иоанны д'Арк. In: Пушкин А. С.: *Полное собрание сочинений в 16 т.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. 153–155.
- ТОЛСТОЙ, Л.: Живой труп. In: Толстой, Л. Н.: *Полное собрание сочинений в 90 т.* Т. 34. Москва: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1952. 5–100.
- ШЕВЕЛЕВ, И.: Андрей Битов о кризисах Пушкина, теории относительности и всесоюзной переписи царей. *Российская газета*, 5 апреля 2005 г.
- ХОДАСЕВИЧ, В. Ф.: О чтении Пушкина (К 125-летию со дня рождения) In: Ходасевич В. Ф.: *Сочинения в 4 т.* Т. 2. *Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939.* Москва, Согласие, 1996. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0750.shtml
- Эссе о Пушкине. *Новая газета*, <http://www.novayagazeta.ru/arts/65485.html> (Дата доступа: 29.09.2014.)
- DÁVIDHÁZI, P.: *The Romantic Cult of Shakespeare: Literary Reception in Antropological Perspective.* Basingstoke, London, New York. St. Martin's Press, Macmillan Publ., 1998. (Romanticism in Perspective: Texts, Cultures, Histories)
- DÁVIDHÁZI, P. – KARAFIÁTH, J. (Eds): *Literature and its Cults. An Antropological Approach.* Budapest, Argumentum Publ., 1994.
- HALMESVIRTA, A. (Ed.): *Cultic Revelations: Studies in Modern Historical Cult Personalities and Phenomena.* Spectrum Hungarologicum, Vol. 4. Jyväskylä, Pécs, University of Jyväskylä, Faculty of Humanities, Hungarian Studies Publ., 2010.
- KALAVSZKY Zs.: «Downkóros. Hatujjú szeráf. Pofon a közízlésnek»: Puskin, az isteni és az idióta Tatyjana Tolsztaja Ksssz! című regényében. In: Kovács Árpád (szerk.): *Puskitól Tolsztojjig és tovább...: Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből.* Budapest: Argumentum Kiadó; ELTE Orosz Irodalom és Irodalomkutatás Doktori Program, 2006. 161–173. (Diszkurzívák; 5.)
- KALAVSZKY Zs.: «Puskin – a kenyérünk, a vérünk, a levegőnk»: Mihail Epstejn *Új szektásság* című könyvéhez. 2000, 2008. április, 50–57.
- KALAVSZKY Zs.: Ki a múzeumból! El a romoktól! Egy Puskin-«esszéregény» kezdetei Andrej Bitov *A Puskin Ház* című regényében. *Ex Symposion* 66, 2008, 27–34.

KALAVSZKY Zs.: Puskin, Apuskin, Nyepuskin: Andrej Bitov: Puskin fotója (1799–2099). In: Kocsis Géza (szerk.): *In honorem Hetesi István 70: fiatal kutatók köszöntő tanulmányai*. Budapest: ELTE BTK «Orosz Irodalom és Irodalomkutatás» Doktori Program – ELTE PhD Programme «Russian Literature and Literary Studies», 2012. 127–139. (Olvasatok; 3.)

KALAVSZKY Zs.: Рецензия на книгу Надъярных, М. Ф. – Уракова, А. П. (ред.): *Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель*. Москва, ИМЛИ РАН, 2011. <http://reciti.hu/2014/2389>, 2014.